

Валерий Большаков

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Валерий Большаков

Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51617119

ISBN 9785449839589

Аннотация

Этот новый сборник составлен из двух изданных ранее и довольно большого количества стихов, образовавших раздел «Синь Юности». Стихов, которые не публиковались прежде.

Содержание

Грани	6
«Вся жизнь – сплошное многогранье...»	6
«Не равняясь даже по великим...»	7
«Добра нет ни в смиренности, ни в борьбе...»	8
Время	9
Риторическая симфония	9
«Вновь подняться б цветам и вырасти...»	57
«Полюби без возврата...»	58
«Мы дождемся весны...»	59
Библейский мотив	62
«Прощальный поцелуй...»	62
«По местам, где счастлив не был и не буду...»	63
«Я вновь хожу убитый...»	65
«Взгляд мимолетен. Слово – тленно...»	67
«Мысль о тебе нейдет из головы...»	69
«Ты будешь многим дорога...»	70
«Без грома, без молний...»	71
«Твоя натура сложная...»	72
«Вы так красивы и беспечны...»	73
«Не оправдаться, знаю, знаю...»	74
«На улицах шумных...»	75
«Мечтал найти я только друга...»	76
«Что делать, если нет во мне...»	77

Восьмое марта	78
«Тихо пели струны...»	79
Бессилие	80
«Не сетуйте на тризне...»	82
«Мы любим резкие сужденья...»	83
«Угнетенные скучным бытом...»	84
«Их кровь не красная...»	85
Отчуждение	86
«Трудись, как вол...»	87
Кочегар	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Стихи разных лет

Валерий Большаков

© Валерий Большаков, 2020

ISBN 978-5-4498-3958-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грани

«**Вся жизнь – сплошное многогранье...»**

Вся жизнь – сплошное многогранье.
Есть грани как ножи:
Страданья радость, боль познания
И искренность во лжи.

1965 г.

«Не равняясь даже по великим...»

Не равняясь даже по великим,
Быть самим собой имейте смелость.
Общество должно быть многоликим,
Чтоб и у него лицо имелось.

1965 г.

**«Добра нет ни в смиреньи,
ни в борьбе...»**

Добра нет ни в смиреньи, ни в борьбе,
Хоть в людях есть к добру живая тяга.
Земля, какой ценой достанутся тебе
Мир и свобода – два бесценных блага?!

1965 г.

Время 60-е 20 век

Риторическая симфония

*...Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды.
Но зато как пленительны вёсны,
Как прохладны объятья воды.*

Ф. Сологуб

1. Andante

Банальной рифмы нет и ,ритма.
Эпитетов избитых нет.
Не существует алгоритма
Для красоты. Забудь, поэт,
О том, что до тебя пропето
И что когда-нибудь споют.
Не время создает поэта,
Поэты время создают.
Что для науки откровенье,
В поэзии – пустяк, игра.
Одно, всего лишь, «мановенье
Певцу послушного пера»,

И на сложнейший из вопросов
Находится простой ответ,
Когда философ наш поэт.
Кто ж из поэтов не философ?
И лишь философы горды
Тем, что поэзии чужды.
Бедняжки. Пусть себе гордятся
И в книжной роются пыли.
Науку грызть и мы б могли,
Но ведь поэтами рождаются.
Шучу, хоть доля правды есть.
Читатель, думай, и рассудишь:
Стихи ты вынужден прочесть,
А их статьи читать не будешь.
К чему? Чтоб в памяти хранить
И спорить, в терминах хромая?
Стихи же можно побранить,
В них ничего не понимая.
И похвалить. За что – бог весть.
Во всяком случае прочесть.
Их не читать не удается.
Теперь за ними всяк следит.
И кто-нибудь всегда найдется,
Кто просветит и пристыдит.
– Чудак, спеши в библиотеку.
Друзей, родных, достать проси:
Небезопасно человеку
Прослыть отсталым на Руси.
Но слыть горшками не бояться

Иные (только бы не в печь).
В ответ на выпретенную речь
Спокойно могут посмеяться:
Не выпить моря – как ни пьешь,
Всего, что пишут, не прочтешь.
Ведь люди грамотны. Отважно
Берутся за перо они.
Чернильно думают одни,
Другие чувствуют бумажно.
И кто считает скучноватой
Литературу, в ход пошли:
Жанр и для них изобрели,
С печатью, подписью и датой.
Бесстрастный бланк. Бумаге что же?
Такое иногда несла,
Чего б не вытерпела кожа,
Будь даже содрана с осла.
Зараза лжи. Опасный вирус
Многозначительной муры.
Сгорел бы со стыда папирус,
Бумага терпит до поры.
У слушателей вянут уши,
Читатели смиренно ждут,
Покуда зрелых мыслей груши
Сами собою упадут.
Они ж, зеленые на ветке,
Гниют, не долетев до рта.
Уж слишком среди мыслей редки
Не скороспелые сорта.

И рады мы хотя б мыслишкам,
Оригинальным, модным.

Да.

Уж слишком некогда. Уж слишком
Мы чем-то заняты всегда.

2. Vivo

«О беззаботность идиота!
Ты – счастье. Все тебе пустяк.
А умных стережет болото —
Тоски не миновать никак.
Для их испорченного нрава
Что в чаше жизни? – дрянь, вода.
А если и любви отравы
Подсыпана – совсем беда.
Напейся: горечь выйдет с рвотой.
И утопись, или работай.
И день, и ночь без перерыва
Ворочай мысли жернова.
Тоска. Она порой красива,
Но, к сожалению, не нова». —

Так думал молодой ученый,
Под тентом лежа на песке,
Случайной мыслью отвлеченный
От упражнений в языке,
Английском. Подошел приятель,
Внезапно выхватил журнал

И заорал: «Когда б ты знал,
Как надоел мне! Эй, мечтатель!
Опять в тени. Не стыдно, друг?
Зачем мы ехали на юг?
Пойдем постукаем мячишко.
Вон круг. Есть девочка одна!»
– Отстань. Мне дико жарко, Мишка.
Я высох, кажется, до дна.

– Тогда промочим горло, может?
Махнем-ка в город, в погребок.
– Пожалуй. Только не поможет.
Хоть пуст сосуд, но и глубок.
– Ну, одеваемся. На пляже
Сегодня некуда ступить.
Освободим места. – Куда же
Ты предлагаешь ехать пить?
Хочу хорошего вина я...
– Так. Значит в центр. Что ж, встаем;
Дуэтом снова пропоем:
«На Дерибасовской открылась пивная...».
– Люблю блатные песни! – Блажь.
– Нет, хорошо, когда поддашь.

От духоты в движеньях скупы,
Они оделись не спеша.
Вокруг валялись не дыша
Прожаренные полутрупы.
Расслабленно и отупело,

Как будто на сковороде,
Подбрасывали мяч кой-где,
И только в море жизнь кипела.
Мальчишки, посинев, упрямо
Не вылезали из воды.
Почтенные мужи и дамы
Макали толстые зады
В прибоя пену. Прочий люд,
Нырря, плавал там и тут.
Переступая через ноги,
А иногда через тела,
Друзья направились к дороге.
Дорога к пристани вела.
Сергей шел, изредка кивая
В ответ на реплики дружка,
Который не переставая,
Остричь пытался. С языка
Срывались меткие сравненья,
Каких у каждого из нас
Хранятся сотни про запас.
Но юмор киснет от храненья.
Нет лучше старого вина,
А шутка свежей быть должна.
Как сыр. Как девушка. Но сменим
Пластинку. Вкус? Когда и в ком?
И в женщинах мы опыт ценим,
И покупаем сыр с душиком.
Болтаю. Масса отступлений,
Без костяка, – почти филе.

Так прыгать может только гений
Или блоха навеселе.
Идут тем временем два друга.
Как вдруг: неловкий взмах руки! —
Мяч, кем-то срезанный из круга,
Попав в лицо, разбил очки
Герою нашему. (Ура!
Завязка есть. Давно пора.)

Толпа сбежалась: ахи, охи.
– Врача! Скорее! Где вода?
Ведь люди в принципе неплохи
И сострадательны всегда.
В тревоге суетился Миша:
«Сережка, больно? На, промой».
А тот, весь этот гам слыша,
Шепнул: «Давай быстрее домой.
Оправу подбери. Дай спрячу».
– Нет, нет, спасибо, не хочу.
Какой Филатов? Я же зрячий.
Конечно, я схожу к врачу.
Момент удачный. Смелый ход.
Ввожу я героиню. Вот:

К ним подошла... Я не уверен,
Что в ямбах описать ее
Смогу. Ямб отслужил свое.
Его бывалый блеск потерял —
Тот, прежний, пушкинских времен.

В употребленьи частом он
Потерся, стал слегка небрежен,
Хотя и был-то не изнежен.
Чуть что – припомнят ненароком:
Ага, «мой дядя»! Или так —
Старо. Ишь затянул чудака:
«Служил Гаврила хлебопеком».
Сверну-ка с торного пути.
Исконно-русский слог, прости.

Прости, но измена размеру
Оправдана.
Как ни крути,
Ведь это безумье почти, —
Одну сохраняя манеру,
Описывать трактор, к примеру,
И девушку лет двадцати.
Во всех ее прелестей сумме
(не правда ли, сочный жаргон?).
Тем более в пляжном костюме.
Ни сальность, ни ханжеский тон,
Всегда неуместные, явно
И тут не помогут. —
Она
Была, несомненно, забавна,
Растерянна и смущена.
Как лист, каждый нерв трепетал,
Что свойственно тонкой натуре,
А внутренний голос шептал:

«И надо же было мне, дуре!»

Вот образ! Донельзя приятно.

Но сам же себя побраню:

Пока еще вряд ли понятно,

Куда и зачем я клоню.

Сюжета ведь нет и в помине.

Прогнулась центральная ось

Рассказа.

Лицо героини,

Как будто на серой холстине,

Пятном водяным расплылось.

Признайтесь, хотите портрета?

Извольте.

Портрет для поэта

Предмет совершенно нетрудный.

Но – скромность!

Он будет погрудный.

Нет,

даже до плеч,

волосами,

увы, не прикрытых.

До плеч!

А ниже допишите сами.

Поэт ведь обязан беречь

Морали священные нормы.

Риск, правда, совсем невелик:

Как ни соблазнительны формы,

Останутся плоскими книг

Страницы.

Хоть пользуйся лупой,

Хоть сквозь поляроид гляди,

Хоть вечно их взглядами щупай,

Хоть пальцем по буквам води, —

Все зря.

Стоп.

Фантазии призму

Нельзя применять никогда.

Иначе случится беда:

Вмиг скатитесь к сексуализму.

И пошлая мысль, как ни стыдно,

Написана будет на лбу.

И Фрейда останки ехидно

Хихикнут в истлевшем гробу.

Ну, к делу.

Тут надо бы взвиться,

Рассыпав эпитетов воз.

Однако у нашей девицы

Все было на месте: рот, нос,

Два глаза.

Устроит едва ли

Подобный портрет знатоков.

Но более мелких деталей

Не мог разглядеть без очков

Герой.

К счастью, дело не в этом,

А в том, что столкнуло двоих:

Шутя познакомила их
Судьба близорукая
летом

3. **Agitato**

Когда я на работу торопился,
однажды утром
мне
спросонья, видно,
представилось, что люди – бегуны.
Дистанцию – всю жизнь,
как стометровку,
Они преодолевают за мгновенья,
и вроде бы по направленьям разным
спешат,
а финиш,
финиш общий – смерть?..

Кому-то рассказав о мысли вздорной,
в ответ услышал:
мы живем в потоке.
Тогда мне это показалось фразой,
пустой,
с претензией на глубину.,
Но позже,
год или два спустя,
сам,
неожиданно,

и очень-очень ясно
увидел и, услышал я его.

Поток ревет,
бурлит.
Он мутен
от сумасшедшей быстроты.,
Злит, веселит;
горяч, беспутен.
Его излучины круты.
Несет.
Куда?
Не разбирали
до нас
и после не поймут.
– Прямые, плоскости, спирали;
изломы войн, восстаний, смут.
И ни за что не ухватиться.
И ни дымка от корабля.
Летят одни надежды-птицы
туда, где чудится Земля.
Доплыть бы до нее! —
Какое.
Передохнуть хотя бы,
но —
утянут омуты покоя
на смерти илистое дно.
И хоть порой тела немеют
от леденящих душу струй,

плывут. Плывут.
Кто как умеет.
Как рыба этот,
Тот как буй.
Течет Всесильный,
год за годом,
свою
диктуя
волю
нам.
И не пройти по этим водам,
Не пробежать по тем волнам.
Плывем.
И будем плыть, как плыли,
Пока в бурлении развитий
Плывет округлый сгусток пыли
По эллиптической орбите.

4. **Allegro vivace**

Был октябрь. Утро теплилось слабо.
Город спал, и по краешку сна
Не спеша шла девчонка одна,
Шла под аркою Главного штаба.

Шла, как будто фокстрот танцевала.
С вечеринки, наверное, шла.
И притом поминутно зевала,
Сразу видно – всю ночь не спала.

Ей навстречу пуста, однотонна,
Из-под арки округло плыла
Площадь, в центре которой колонна,
Над асфальтом вися, замерла.

Площадь, чуткая к шепчущим звукам
Но немая в дремотном плену.
Било дерзостью рвать тишину
Каблучков вызывающим стуком.

Сухой и частый стук, взлетающий с панели,
Казалось, сонность дразнит и бранит.
Будильники еще не прозвенели
На островах, оправленных в гранит.

В такую рань трезвонят по окраинам
Они. И поднимается возня
Там, где себя почувствовал хозяином
Рассвет – дежурный будничного дня.

Взрывайтесь, комнаты-коробки!

Дзи-и-и-нь!

Вдруг звон смолк:

прихлопнутые кнопки —

щелк, щелк.

И —

под одеяло,

в теплую кровать.

Брр...

как не хочется вставать!

– Не поздно лег, а спать охота.

Хотя бы час. Нельзя никак.

О беззаботность идиота,

Ты – счастье. Все тебе пустяк.

Сергей вздохнул, зевнул и глянул на спящую жену.

Та встрепенулась.

– Сколько?

Рано.

Еще минутку. Ну одну!

– Вставай, вставай,

засоня, Томка!

Буди и одевай потомка.

– Когда я выплюсь?!

Поднялась.

И он встал.

И...

И понеслась:

– Поставь утюг.

– Что за привычка

все делать утром?

– Ну не ставь,

раз ты без рук.

– Вот истеричка.

– А, с вами спятишь.

Газ прибавь.

Зажги еще горелку.

– Ладно.

– Яичницу поджарим, а?

Разбей в тарелку.

Что? Прохладно
на улице?

– Почти зима.

На градуснике ноль.

Куда ты задевала соль?

Оделись наспех и поели.

Ребенка подняли с постели.

Под смех и плач, и позевоту,

под мамины «агу»,

в ясли сдали на бегу,

опаздывая на работу.

От яслей до остановки

три-четыре стометровки

спортивной ходьбой.

Вперед. На штурм! На смертный бой!!

В автобус перегруженный.

Мы – пассажиры.

Ценой любой

Должны мы быть обслужены.

Ура! Ура! Он будет взят.

Овладеваем приступом.

Цепкие пальцы уже скользят

По поручням и выступам.

Нажми! Вперед! Нам повезло.

Машина с места сдвинулась.

Кондукторша накинута

Визгливо, но не зло.

– Граждане, будьте людьми!

– А мы и так не звери.

– Поднимитесь.

– Подними.

– Дайте закрыть двери!

– Пройдите, впереди есть места.

– Нет мест.

– Следующая...

– Не слышно ни черта.

– Кто забыл оплатить проезд?

Мелочи. Мелочи! Медь жалеете?

– Экономим на пяточках.

– Извините.

– Да как вы смеете!

– А еще в очках! —

– Пропустите, пожалуйста.

– Подождешь.

Ну нынче и молодежь!

Все трясется в душной груди

Тел, измятых до морщин:

Женщин вдавленные груди,

Локти острые мужчин;

Содержимое карманов,

Сумок, животов, портфелей;

Строчки лекций и романов

У счастливиц, что сели.

С боку на бок, взад-вперед,

Крены, качка, дрожь, толчки.
На подножке (страх берег!)
Гроздью виснут смельчаки.

Час почти Сергея мяло,
выжимая, как лимон.
Наконец, приехал он,
вывалился вяло.

Вот и здание НИИ.
В проходной – вахтер.
– Пропуск.
– На, смотри, свои.
Узкий коридор.

– Привет.
– Как жисть?
– А, так, хреново.
– Здорово.
– Добрый день.
– Здорово!
Есть свежий анекдот.
– Да ну?!
Трави.
– Не, не пойдет,
тут дама.
– После обеда загляну.
– Опять поддал вчера?
– Ни грамма.

- Как ваша установка?
- Плешь.
- Намечена командировка двух кандидатов за рубеж.
- Прочел статью?
- Да. Вроде, муть.
- Расстроен чем-то?
- Нет, ничуть.
- Вам Федоров звонил вчера.
- Два дня ловлю его, злодея.
- Есть нобелевская идея!!
- Доклад понравился?
- Мура.
- Нет, это не наука, мистика, какой-то хаос сущий, — каждая характеристика противоречит предыдущей...

День начат. Он то тянется, то мчится,
Подхлестнутый энергии скачком,
Как в мощном ускорителе частица.
То вдруг на месте вертится волчком,
То протечет размеренно и гладко,
То высосет все силы без остатка:
С утра реальное – к обеду станет блефом,
Часы безделья сонно поползут —
Треп с лаборантками, переговоры с шефом
Под бесконечный телефонный зуд.
Не волк – работа.

Совесьть под засов.
Их семь, всего-то,
табельных часов.
Всего-то семь.
Ведь это очень мало,
Когда ты увлечен, когда тебя
нечаянно идея взволновала,
нетерпеливо нервы теребя.
Порыв!
Пройдет.
Что делать? Жизнь сложна.
Домой. Там ждет
усталая жена.

– Сережа, наконец-то,
слушай,
не раздевайся,
столько дел,..
У Сашки заболели уши.
– Ну вот.
– Он, бедный, так ревел.
Сходи в аптеку, в переулке.
– Что надо?
– Борный спирт.
– Добро.
– И, знаешь,
вынеси ведро,
и в магазин, у нас нет булки.
Дать денег?

– Нет, дай сетку. Мишка
звонил. Приедет к нам.
– Когда?
– Сегодня.
Я пошел, малышка.
– Иди.
Обедал?
– Как всегда.

Семья. Вот следствие рискованного шага
(брак – между ненормальными контракт).
Чтоб без семьи прожить, нужна одна отвага,
Чтоб жить в семье, еще – терпение и такт.
Для счастья полного, моральных качеств кроме,
Еще нужна квартира в новом доме.
Отопление паровое.
Газ. Горячая вода.
Комнат – две. Хозяев двое
(вдвое больше иногда).
Пусть на худшей из окраин.
Черт с ним – с низким потолком.
Тут зато уж сам хозяин,
От соседей скрыт замком.

Пусть коротковата ванна
И на кухне теснота.
Площадь всякая желанна,
А отдельная – мечта.

Площадь теплого сортира,
Метр квадратный, – мера благ.
Современная квартира! —
Минимальный особняк.

Не норка, не пещера – дар природы.
Плати. Квартир авансом не дают.
Но если б деньги только, а не годы
Платить нам приходилось за уют!

Плати. Меняй себя на вещи. Или
Аскетом стань. Терпи нужду.
Иль сделай так, чтобы тебе платили,
Да по потребности, не по труду.
Игра. Борьба расчетов меркантильных
С азартом. И любого разорят.
Рассудок чувства вытравит у сильных,
А слабые сердца перегорят.
Что сохранится? – Родственные узы?
Любовь ли, дружба ли дождутся той поры,
Когда играющих смерть загоняет в лузы,
Самих, как бильярдные шары.

Родители?

Их ценят не дороже,
Чем добрых кредиторов должники.
И больше, чем когда-либо, несхожи
Двух разных поколений языки.
Дышать любовью вечно не дано.

Спроси – и большинство пожмет плечами:
Это было так давно,
далеко,
за мелочами.

Мужская дружба крепнет с каждым годом,
Но с каждым днем существенней изъян —
Бросая: «некогда» друг другу мимоходом,
Лгут искренне ближайшие друзья.

– Ну, мне пора, Серега, Тома.

– Уже?

– Успеешь.

– Нет, адью.

Я в шесть часов теперь встаю.

От вас тащиться час до дома.

Пока.

– Счастливо, Миха. В среду
мне на работу позвони.

И с этим делом не тяни.

– В субботу приезжай к обеду.

– Спасибо.

Вряд ли я смогу.

Серега, до среды,

бегу...

– Отличный парень Мишка.

– Мой друг.

– Вот хвастунишка!

– А помнишь,
вчетвером,
на юге?
Зной. Отпуск. Времени вагон...
– И больше нравился мне он.
– А мне глаза твоей подруги.
– Вы целый вечер говорили.
Вообще, с друзьями ты иной,
Серьезно споришь,
а со мной
молчишь
или смеешься,
или...
...А мне-то не с кем поделиться,
кроме тебя.
– Начнем опять?
– Вот и всегда так,
сразу злиться.
– Болтушка ты. Давай-ка спать.
– Устал?
– Скорее бы суббота.
(О беззаботность идиота!)

5. Adagio

Ни ад, ни рай.
Ни два, ни полтора.
Поверженное зло
опять встает из праха;

Сплетается с добром,
да так,
что у пера
Нет места для широкого замаха.
Бьют,
но тычком,
порой исподтишка.
Удары запрещенные взаимны.
А многие валяют дурака,
Страшась борьбы, и презирая гимны, —
в сумятице немой войны,
общественного спада
твердя:
а мы убеждены,
что все идет как надо.
Болтают чушь.
И я ее болтал,
обсасывая слово
(так палец дети
сосут).
Болтать – болтал,
А про себя роптал.
Как без улова
пустые сети
несут,
Я нес свою тоску
по страсти неземной
и по нечеловеческим делам.
А оказалось —

палкой по песку
чертил в наивности смешной.
Все это хлам,
что я тогда писал,
рифмованная муть.
Вздымал, тащил,
не выдержав, бросал.
Пустела грудь.

А ведь могло бы!
Но рвалась мечта
со стоном лопнувшего троса.
И в сердце не рождалось ни черта:
Ни торжества, ни злобы,
ни вопроса.
Без пыла
что за спор?
Бесплоден с тенью бой.
Мираж: пустыня кажется нам морем
живых идей
Так было.
До тех пор,
пока я жил собой,
не озабочен радостью и горем
других людей
...Ну, а потом?
– Потом Любовь сожгла
сомнения гнилые,
дав семя веры

В золу вложить.
Хозяйкой в дом —
в мой мозг она вошла,
чтоб нежилые абстракций сферы
обжить.

Но в том, что родилось
уже не на пустом,
с ее живыми соками смешалась
завистливая злость
при мысли о Святом,
которое еще не совершалось.
И не свалилась с плеч забот гора.
Ни ад, ни рай.
Ни два ни полтора.

6. Presto

Погоду бросило в разгул.
Всю ночь звучал могучий вызов.
Свистящий ветер на бегу
Повсюду снег срывал с карнизов.

Под утро надоело дуть,
Седой асфальт мести.
В термометре застыла ртуть
На тридцати.

Спозаранок пар морозный
В сонном воздухе клубится.

Молчаливы и серьезны
Человеческие лица.

Россыпь поступи негромкой,
Дробь неслышной частой дрожи.
Разве только льдинкой ломкой
Прохрустит иной прохожий.

Ноги двигаются сами,
Шаг за шагом, без конца.
Сумасшедшими часами
Бьются, тикают сердца.

Тик-так.
Стрелок круги.
Ночь – тьма. День – полосат.
Итак,
Как ни беги,
в сутках 24 часа.
Весь день
суетный шаг
Не стой – в давке сомнут.
Везде
люди спешат.
Час – всего 60 минут.
Но вот —
прыгнул в трамвай.
Завтрак жуй на ходу.
Завод.

Не отставай!
Место твое
в рабочем ряду.

Стружка вьется, чуть лучась, —
50 деталей в час.

На стене часы висят —
В смену – 350.

Почти по кругу

Круглый

год

проносится в подобной дрожи.

Бывает,

каплями выступит пот
на огрубевшей коже.

Бывает,

и о еде забывают.

Курить на ходу – работа срочная.

Бывает,

время за так убивают,

Бывает и сверхурочная.

Всяко бывает, когда заест.

Бывает,

до смерти надоест.

Зачешутся,

просят иссохшие глотки —

ВОДКИ!

Скинутся.

– Лётом за влагой живительной!

– Стаканчик позволь-ка.
(Во рты прольют,
поморщатся)
– Удивительно,
как ее только
партийные пьют?
– Пора бы, пора бы ее изживать!
(Смеются)
– Пора давно.

А время – к обеду.
Пора пожевать
И перекинуться в домино.
Волнуясь, кричат, не скрывая азарта:
«Дуплись! Не тяни же! Бери конца!!»
Костяшки стучат.
Убивается карта
За треском матерного словца.

Постучали, поболтали, отрезвели,
и опять
со станков пошли детали —
раз два три четыре пять...
Сдельщиной повышен тонус.
Что успеешь – все твое.
День – вращающийся конус,
Тоньше, тоньше острие.

Уже, уже колея.

Смена. – С новой стык.

От работы до жилья

Целый час – час пик.

А тут и потеплело.

Вдрызг изругана

шальная переменчивость погоды.

От шин машин шарахаясь испуганно,

К граниту зданий жмутся пешеходы.

И снова об асфальт подошвы трут,

Разбрызгивая снежное болото.

Весь город – студенистый серый спрут —

Трясется в предвкушении чего-то.

– Идут. Идут. Ступают полновесно.

Ботинки. Туфли. Боты. Сапоги.

Идут. Идут. Потратив силы честно.

Исполнив долг или отдав долги.

Идут. Идут. Спеша скорей разлиться

По магазинам, комнатам, углам.

И в сумеречной робости реклам

Усталой сталью светятся их лица.

А в воздухе, почти что жидком.

Бьет ток проклятий мысленных —

Дрожь отвращения к улиткам

Очередей бесчисленных.

– Кто последний?
– Я, касатка.
– Что, бабуся, тяжело?
– Ох, голубушка, несладко,
да дают по два десятка,
слава богу,
повезло...

– Кто последний?
– ...
– Все хотят быть первыми.
– Будете стоять?
– Я, да.
– Я отойду в рыбный, за консервами.
– Вперед лезут и лезут без стыда.
– Скажите, чтобы не отпускали.
– А вы, гражданин, за кем стояли?
– Надо дожидаться следующего.
– Вызовите заведующего!
– Говорят, осталось ящика два.
– Хватит.
– Вот темпы! Едва-едва.
– Девушка, живет ради бога!
– Я одна, а вас много.
– На покупателя плюют!!!
– Кто последний?
Что дают?

В домах глазницы окон ожили:
Жильцы позажигали свет.
Мгновенно уничтожили
кто ужин, кто обед.
И за дела.
Ведь дел всегда хватает,
А времени и сил всегда в обрез.
И долгий зимний вечер, как экспресс,
Почти без остановок пролетает
В ночь.
Гаснет свет. Смолкает шум.
То не провал, а склон пологий.
Расслабься.
Отдохни от дум.
Забудь тревоги.

И окунись в глубокий сон.
Почувствуй радость очищенья.
Ведь завтра вновь под колесо,
Под дня вращенье:
Тик-так.
Стрелок круги.
Ночь – тьма. День – полосат.
Итак,
как ни беги,
В сутках 24 часа.
Пролетают стаей уток
в год три с лишним сотни суток.
Несколько десятков лет —

Жизнь: «ау!»... —
Пропал и след.

Но мы с тобой живы еще, однолетка.
Латаем свои и Госплановы дыры.
Работа. Зарплата. Жилплощади клетка
Да кухонный гам коммунальной квартиры.
Да дети, которым твердится одно:
Вот вам в коммунизме пожить суждено.
Пока же – военной угрозы надгробность.
Газеты словесную сыплют руду.
И кто-то твою измеряет способность,
Чтоб два раза в месяц воздать по труду.
И что-то жестокими мерками ГОСТа
Во всем, даже в мыслях, наводит порядок.
А страсти бурлят. Накипает короста —
Слепой, протестующе-горький осадок.
И к чувствам наивного детства вернуться
Вдруг тянет:
Быть искренним,
не лицемерить.
И хочется, глянув на жизнь, отвернуться
И плюнуть на все, —
и по-новому верить.

Но чуть повернешься к ней задом иль боком,
Условности бить начинают умело.
И думать забудешь о чем-то высоком.
И вынужден ты разменяться на мелочь.

А мелочь списать не сумеет никак
Приходно-расходная книга твоя.
И просто покатишься, как пятак:
«Звеня и чуть-чуть подпрыгивая».

Орел или решка,
Он или она,
Король или пешка —
цена одна.
Катись через дни и ночи.
Солнце. Пустыня.
Почва – вражда.
Кровь, закипая, клокочет
и не стынет —
жажда!
Мысли – бритвы
остры
для вен,
и нечем залить костры.
Крен:
пить,
пить,
пить —
облако винного пара.
Спи,
спи,
спи
у тротуара.

Миражи – ножи.
Без воды,
от беды до беды
все нестись по песку,
учащенно дыша,
задыхаясь,
спеша:
– Скорей!
Впереди – море
живой воды! —
Будет бред остужен.
– А может,
и там
пустынное горе —
Никто
никому,
низачем
не нужен?

7. *Moderate*

На середине века слишком резко
Прозрение пришло к нам: мир поплыл
Подобием кошмарного бурлеска,
Разыгранного волей темных сил.

Став явными, потоки лжи и грязи
Не дали разглядеть: где тьма, где свет,
Где неизбежность объективной связи,

Где лотереи скомканный билет.

А век все множит горькие години,
Калеча юных, не щадя седин.
Немало лет прошло от середины,
Но нет ни в чем, как прежде, седин.

**8. *Allegro, ma non troppo,*
*poco a poco maestoso***

Мальчишки курят папиросы,
И, о политике крича,
Больные, сложные вопросы
Решают просто, сгоряча.

Мечтая, запросто меняют
Законы, строй – как надо бы!
Жестоко старших обвиняют
В измене знамени борьбы.

Ругаются в табачном дыме.
И забывают сорванцы,
Что были тоже молодыми
Их поседевшие отцы.

Что чуть ли не любой старик
Дань отдал смелой громкой фразе.
Произошел ли сдвиг по фазе,
Иль это качественный сдвиг,

Одна зависимость – мостом
Через небытия потемки —
Волнение живых о том,
Как будут дальше жить потомки.

Живем, трудясь и познавая.
Браним навязчивость идей.
Нас раздражает шум трамвая
И толчея очередей.

Толпа ворчит, как и ворчала.
Возбуждены частицы масс.
Всегда чего-нибудь да мало
Для счастья большинству из нас.

А время круто нами вертит,
В провалах памяти тая
Необходимость часа смерти,
Случайность чаши бытия.

Темп, прыгая, ломает нормы, —
Есть риск быть перегрузкой смятым.
Мы обтекаемые формы
Предпочитаем угловатым,

Стремясь полнее воплотиться
В дел человеческих тщету.
И проклиная суету,

И не спешим отсуетиться.

Солено-сладко-горько-кислый
Коктейль событий пьем до дна,
Хотя и стонем: жизнь трудна,
А жить надеждами нет смысла.

Ведь ускорение не убавится.
И кровь не замедлит круги по венам.
– Но разве только идиоты улыбаются
откровенно?

Радуйтесь!
Вот он,
здесь,
полный цветов базар.
Краски пестрят везде,
Краски слепят глаза.
– Купите!
Где же есть
такие розы еще?
– Продаю свежесть!
Букетами и на счет.
– Медь и бумажки,
все приму.
– А вот и ромашки.
Кому? Кому?
– Тюльпан!
Стройней не найдешь его!

– Дешево! Очень дешево!
– Тончайший солнечный букет
расцвел в дубовой бочке.
На аромат, на вкус, на цвет
попробуйте, сыночки.
– Рупь, красная цена!
– А! —

я пьян и без вина.
Пьян и пью. Мне мало, мало.
Землю всю и воздух весь
Смесь хмельная пропитала,
Одуряющая смесь. —
Радуйтесь!

Мир ослепительно-ярок
В пламени угля и дров,
Вспышках электросварок,
Пылкости прожекторов.

Мир оглушительно-громок.
Грянул прогресса разгул:
Грохот невиданных ломок,
Строек неслыханный гул.

Мир возбуждающе-быстр.
Мечутся в обезьяньем раже
Вверх и вниз, из регистра в регистр
Ощущений резкие пассажи:

Апрель взбурлил.
Над островами
Взметнулся солнечный содом.
Расцвел лепными кружевами
Отремонтированный дом.

Я солнцу рад
и свежей краске,
И самому себе.
Дела идут как в сказке,
А я иду к тебе.

Иду. Бегу. Стремлюсь. Лечу.
Знай: не пришла бы – утопился.
А встретив, затаясь, молчу,
Жалею, что поторопился.
Бледнею. Тянет закурить.
Не улыбаешься. Не рада?
И понимаю – ждать не надо.
И не решаюсь говорить.

Люблю.
Лазурь. Лавина алая.
Оплавленный лучами шар.
Люблю.
Склонилась мать усталая
у колыбели малыша.
Люблю.
Слияний аллилужя.

Люблю.

Летящая Земля.

Люблю.

Вкус поцелуя.

Люблю.

Звон хрустала.

Люблю.

Пружин желаний
напряженный мажор.

Люблю.

Горение граней
озаренных гор.

Люблю.

Шум пирушки.

Люблю!

Льется рекой.

Люблю обыкновенные стружки
в столярной мастерской.

Жену. Детей. Сигареты «Аврора».

Жареное мясо. Голубой цвет.

Звучание академического хора

и,

когда я хорошо одет.

Комнатное тепло И реклам мешанину.

Кино, книги

и рок отчасти.

Люблю все, что нужно здоровому мешанину
для полноты счастья.

Мало?

Люблю, как все горожане,
природу из дымного далека.
Чего не люблю,
так это воздержаний
от какого-нибудь пустяка.
Хуже нет самому себе измен —
нелепость, подобная гордости автора
пошлых
выкриков о патриотизме,
свободах и даже о светлом завтра.

Люблю.
Сегодня солнце встало.
Люблю.
Сейчас со мной Она.
Люблю.
Мгновенье освистало
все будущие времена!
Люблю.
Глубокая вера.
Туманное стало прозрачным.
Люблю!!
Никакая холера
меня не сделает мрачным.

Люблю.
Ослепительность случая.
Люблю.
Шаг рассчитанный, взвешенный.

Люблю.
Наслаждение жгучее
скоростью бешеной:

Тик-так,
стрелок круги.
Ночь – тьма. День – полосат.
Итак, как ни беги,
в сутках 24 часа.
Весь день
суетный шаг.
Не стой – в давке сомнут.
Везде
люди спешат.
Час – всего 60 минут...

И я спешу в движенья утвердиться,
И для прыжка вперед ищу опоры твердой.
Хочу успеть полнее насладиться
Любовью бескорыстной, пылкой, гордой;
Любовью человеческой, земной,
Любовью к делу,
избранному мной.
Люблю!!
Хочу!
И не бездельник.
Могу.
И делаю, что люблю.

А жена говорит: до полочки не хватит денег.

– Как грубо.

Неприятно,

Мелко,

но,

в общем, честно.

Время – деньги, как известно.

– **Купите!**

Где же есть

такие розы еще?

– **Продаю**

свежесть

букетами и на счет.

– Медь и бумажки,

все приму.

– Вот-те и ромашки —

Кому? Кому?

Спешите, люди.

Торг недолгий

обрубит смерти нищета.

Без болтовни о высшем долге

Платите скромно по счетам.

Наличными или натурой.

За искренность – худой молвой.

За ценности – макулатурой,

И за ошибки – головой.

Уютной прочности утратой
За непоседливости блажь,
И с дополнительной оплатой
За скорость, сервис и багаж.

За идеалы – мелочами,
За верность – холодностью жен,
За славы яркий свет – ночами
Безвестности в пыли времен.

Медлительные эры минут,
Мгновения мелькнут, —
В провал неведомого сдвинут
Минувшее минут.

Поток движений прекратится:
Не мель, а голь.
И бесконечность обратится
В аморфный ноль.

Но я не верю,
что Земное
Все будет сведено к нулю.
Нет. Нет.
Не может быть.
Люблю! —
Во временном
вневременное.

Я – человек.

Я – ум.

Я – плоть.

Я – нервы.

Я это я,

тем и силен и слаб.

В природе не последний

и не первый.

Не всемогущий Бог,

Но и не жалкий раб.

Жизнь нелегка:

Желанное, но бремя.

А скорость,

нарастая,

гнет в дугу.

Но мысль моя

опережает время,

И бесконечно

Я

любить могу.

И потому пою,

молю

и матом крою,

Порой готовый от бессилия взречь,

Всегда зову к борьбе

И никогда – к покою.

Только

бы

не
отрезветь!
Мы – дети века,
конечно,
с грехами,
Но я бы хотел, в умаленье грехов,
Чтоб в атомный век
похмелялись стихами
После запойного чтенья стихов.

Я презираю эстетов рьяных,
Поклонников дикой и ультра-культуры,
Но —
благославляю
воистину пьяных
От жизни
и от литературы.
От музыки,
рвущей сердце на части,
От свехистин изображения.
От созидающей
творческой СТРАСТИ
К человеческой форме движения!

1965 – 1968 г.

«Вновь подняться б цветам и вырасти...»

Вновь подняться б цветам и вырасти.

Ах! – нет.

Первой свежестью серой сырости

Пахнет.

Лист все зелен и строй непутаный

Трав густ.

Только ходит в туман закутанный

Август.

Ходит, знойность зажечь старается

Где-то...

Отсырело, не загорается

Лето.

1961 г.

«Полюби без возврата...»

Полюби без возврата:
Нет, не будь влюблена.
Полюби не как брата,
Не как мужа жена.

Не как друга, невинно,
Не «жалея глупца»,
Не как мать любит сына
Или дочка отца.

Полюби без усилий
И без тени стыда, —
Как еще не любили
Никого никогда.

1977 г.

«Мы дождемся весны...»

Мы дождемся весны,
И со скучною правдою споря,
Торопливо уйдем
В долгожданный мираж.

Там, где горы видны,
Там, где плещется синее море,
Ждет нас сказочный дом,
Удивительно наш.

Небывалый приют.
Острове́рхим возду́шным собо́ром
Он покажется нам
В повороте последнем пути.
А внутри в нем – уют
Странно соединится с простором:
Теремок или храм,
Как захочешь, его ощути.

Это будет в долине,
Глубокою тайною скрытой.
Это будет вдали
От назойливых глаз и забот.
И не будет в помине
Там пошлости нищенски-сытой,

И не будут рубли
Предъявлять оскорбительный счет.

Будет солнечный свет,
И тепло, и пьянящие травы,
И плоды, и цвет, —
Будоража, дразня.
Там изгладится след
Кровь твою ледящей отравы,
И уверуешь ты,
Наконец-то, в меня.

Захмелеем мы враз
Без ненужного там алкоголя.
Станет бывшей нужда
Обнаженную радость скрывать:
И для губ, и для глаз —
Не свобода, а вольная воля!
И ты сможешь тогда
Наше чувство полетом назвать.

Будет так. Но пока
Счастье с примесью горечи прячем.
Заперев изнутри
Дверь (а дом – без единой стены)
Ежась от сквозняка,
Мы беззвучно смеемся и плачем.
Как бы,
черт побери,

Поскорее дождаться весны!

1970 г.

Библейский мотив

«Прощальный поцелуй...»

Прощальный поцелуй
Был холоден и жарок,
Как память о тебе
Горька и дорога.
Последний поцелуй! —
Отравленный подарок;
Дар другу бывшему
От тайного врага.
Не сотряслась земля,
Не совершилось чуда.
И лишь в зрачках, сквозь страх,
Зияла пустота.
Теперь ты знать должна,
Что чувствовал Иуда,
Поцеловав Христа.

1963 г.

«По местам, где счастлив не был и не буду...»

По местам, где счастлив не был и не буду,
По асфальтам, уходящим из-под ног,
Я брожу и сердцем слышу
Ветра шум тоскливый всюду.
Одинок он, этот ветер, одинок.

Он летит сквозь тишину нависшей ночи
И плетёт из листьев осени венок.
И смеяться он не может,
И, похоже, жить не хочет.
Одинок он, этот ветер, одинок.

То гудит, то вдруг почти что пропадает,
Лишь скулит, как потерявшийся щенок.
То в беспомощном порыве,
Словно пьяный, зарыдает.
Одинок он, этот ветер, одинок.

Стихнет скоро, а потом совсем застынет.
И рассвета полусонный осьминог
Подплывет ко мне беззвучно
И из тела душу вынет
Одинокую, как ветер одинок.

1975 z.

«Я вновь хожу убитый...»

Я вновь хожу убитый.
Моим глазам усталым
Не отыскать любимой
В удушливой ночи.

Брожу по переулкам,
Блуждая по кварталам,
И что-то очень громко
В груди моей стучит.

Стучит оно и бьется
Неровными толчками,
Рыдает и смеется,
Будя глухую ночь.

Но кто лица коснулся?
Кто жадными руками
Из тела вырвал что-то
И убегает прочь?

Я вздрогнул: незнакомец
Ужасно схож с покойным
Часовщиком (вдруг вспомнил
очки его, ...усы).

Но страх исчез. Внезапно
Я стал таким спокойным,
Как будто вместо сердца
В грудь вставлены часы.

Он вставил их наверно.
Холодными руками
Остановил ток крови
По телу моему.

Часы забились мерно,
Бескровными толчками.
Они ведь на пружине
И кровь им ни к чему.

Искать бы нужно. Бросит
Он камнем сердце где-то.
Живое мертвым чуждо,
Как жалость палачу.

Часы?.. Нет, невозможно,
Они не для поэта.
Они любить не могут,
А я любить хочу.

1965 г.

«Взгляд мимолетен. Слово – тленно...»

Взгляд мимолетен. Слово – тленно.
Остынет все, что сердце жжет.
И только память неизменно
Мгновенья счастья бережет.

Слабеет плоть. Душа нищает.
Грозит расплаты торжество.
И только память все прощает,
И не прощает ничего.

Мы оба это понимаем,
От горечи утрат храня
Тот март, что стал сумбурным маем
И для тебя, и для меня.

Отравлены тем вешним ядом,
Опровергая зло зимы,
Мы стали даже больше рядом
Теперь, когда не вместе мы.

Не правда ль, это очень странно? —
Скупая щедрость редких встреч.
Ты не грусти. Еще ведь рано

Воспоминания беречь.

Еще не время поворота
В неотвратимого жерло.
Еще ведь не было чего-то,
А что и было – не прошло.

1971 г.

«Мысль о тебе нейдет из головы...»

Мысль о тебе нейдет из головы,
Ворочается в массе мозга вязкой.
Мы редко видимся, да и тогда, с опаской,
Беседуем едва ли не на Вы.
Так недоверчиво, внимательно, хоть плачь.
Так вежливо, хоть выругайся матом!
Как будто разговаривает врач
С законченным, но тихим психопатом.
Да что там! Я и вправду нездоров,
Раз не хочу, хоть самому же стыдно,
Ни сбросить груз, усталость поборов,
Ни примириться с тем, что очевидно.

1965 г.

«Ты будешь многим дорога...»

Ты будешь многим дорога,
Одним любима, им воспета.
И ты, наверное, за это
Со мной особенно строга.

Не тает сдержанность твоя —
Растет, чего и опасался.
Уж слишком бережно касался
Нетронутого чувства я.

Заботливость неловких рук
И хрупкость тонкого фарфора —
Разбилось, выронил... Как скоро
Угас последний слабый звук.

Как мы бываем зря робки!
И как терзаемся сурово,
Перебирая снова, снова
Воспоминаний черепки.

1965 г.

«Без грома, без молний...»

Без грома, без молний,
Мельчайше иссечен,
Дождь тускло безмолвен
И кажется вечен.

Ссыпается сырость
Из туч, как из душа,
В осеннюю сырость
Дорожного плюша.

И небо – все уже,
И солнце не глянет
В зеркальные лужи,
В асфальтовый глянец.

И блеск отражений,
Как новое свойство,
Хранит без движений
Покой беспокойства.

1960 г.

«Твоя натура сложная...»

Твоя натура сложная
Странна до невозможности:
Как будто осторожная,
Но – до неосторожности.

Заботливость колючая,
А ласковость небрежная,
Не допустить бы случая,
Не показаться б нежною!

Стыдишься детской живости,
Все приложив усилия,
Чтоб честной быть до лживости
И сильной до бессилия.

1960 г.

«Вы так красивы и беспечны...»

Вы так красивы и беспечны.
Люблю. Но это между нами.
Как хорошо, что человечны
Бывают люди временами!

Люблю! И нет причин таиться.
Кто сумасшедшего осудит?
Все, что должно быть, совершится,
И только прошлого не будет.

1971 г.

«Не оправдаться, знаю, знаю...»

Не оправдаться, знаю, знаю.
И не пытаюсь, но, поверь,
Минувшее припоминаю,
Как цепь мучительных потерь.

Мне жаль не сказанного слова,
Жаль вынужденной немоты,
Былого жаль и не былого,
Нервозности и суеты.

Жаль горькой нежности заката.
Так жаль всего, что не спасти
Попыткой позднего возврата
К началу светлого пути.

1971 г.

«На улицах шумных...»

На улицах шумных,
где сплелся веноч их,
Сошлись двое умных
и одиноких.

И разошлись, не сказав ничего,
От перекрестка того.

Взгрустнул трехглазый фонарь слегка:
Им бы вместе перепечалиться —
Имеет власть чужая рука
Не позволять отчаяться.
Не позволять молчаливо сжигать
Глаза нежеланьем плакать.
Им бы вместе перешагать
Уличный шум и слякоть.

И – в любые края земли,
В неба бескрай просторный,
В голубые!..
– Они ушли
в разные стороны.

1961 г.

«Мечтал найти я только друга...»

Мечтал найти я только друга
И полюбил. Безумец, да?
От неподдельного испуга
Ты словно съежилась тогда.
Испуг пред чем-то неизбежным,
Невольный, искренний порыв.
Всем существом по-детски нежным
Ко мне тянулась, но – обрыв.
Задумавшись неосторожно,
Себя заставила постичь,
Что не всегда в любви возможно
И неизбежного достичь.

1965 г.

«Что делать, если нет во мне...»

Что делать, если нет во мне
Того, чего бы ты хотела.
А может, есть, но в глубине.
А может, правда, улетело.

Что делать, если я могу
Вмиг вспыхнуть и погаснуть разом.
И если я от фраз бегу,
А прибегаю к новым фразам.

Что делать, если я не вру:
Волнуюсь сам, тебя волную,
И презирая фальшь, игру,
Могу вести игру двойную.

Вдруг сделать странный поворот
И нерешительно, и круто.
Что если я совсем не тот,
Кого ты любишь почему-то?

1982 г.

Восьмое марта

Ты так далеко,
Что и праздник печален,
И снег почернел,
И в сердце – зима без конца...

1982 г.

«Тихо пели струны...»

Тихо пели струны,
Тихо голос цвел.
Кто-то очень юный
Грустную завел.

В тишину пустую
Звук за звуком плыл:
Девушку простую
Кто-то полюбил.

И, звеня, звучало
В голосе певца
Грустное начало
Грустного конца.

1960 г.

Бессилие

Снова снегом бледно-синим
Застилает мглу.
Снова мы до дрожи стынем,
Тянемся к теплу.

Но, хотя и сильно тянет,
Не прогнать зимы.
Ждем, когда весна настанет
И оттаем мы.

Вспоминаем ласки лета,
Бережно тая
Мысль о том, что где-то, где-то
Теплые края. —

Где нас нет.
Улюлюкает выюга;
Сворой сеттеров мчится в ночи,
Воет бешено, злобно рычит;
Гонит, стужею стянутых туго.
И свистят ледяные бичи:
Получи. Получи. Получи,
Ожидающий жгучего юга!

Страсть тлеет,

ни на что не годная.

Не порох – мокрый мох.

Тепла-то нет, вот мысль холодная.

Тепла-то нет! – вот жаркий вздох.

1965 г.

«Не сетуйте на тризне...»

Не сетуйте на тризне,
Ведь смерть не стоит вздоха.
Она лишь форма жизни,
Изученная плохо.

1964 г.

«Мы любим резкие сужденья...»

Мы любим резкие сужденья.
Порой назойливо долбим их.
Что ж, мир достоин осужденья
За то, что много нелюбимых.
За то, что много не любивших
И в стороне от бурь стоящих.
За то, что очень много бывших
И слишком мало настоящих!

1970 г.

«Угнетенные скучным бытом...»

Угнетенные скучным бытом,
У обыденности под игом,
Брызжем юмором ядовитым
И тоскуем по резким сдвигам.

И молчим. И таим обиду
На других, обмануться способных.
И завидуем сильным с виду
И жалеем себе подобных.

Вспыхнуть? Где там! В потугах хилых
Только совесть слегка тревожим.
Что-то создали б, да не в силах.
Изменили бы, да не можем.

1970 г.

«Их кровь не красная...»

Их кровь не красная,
Не голубая даже!
А смех здоров,
Хоть временами тих.
И роль безгласная
Не уличенных в краже,
Непойманных воров
Устраивает их.

А тем, ограбленным,
Кто в простоте неловкой
Честь бережет
Средь низости и лжи,
Уже отравленным
Заглазною издевкой,
Еще и грудь прожжет
Сочувствие ханжи.

1965 г.

Отчуждение

Честный ропщет: воры!
Сын клянет отца.
Пересуды, ссоры,
Черствые сердца.
Всяк другого судит:
Знают – никогда,
Ни за что не будет
Страшного суда.

1965 г.

«Трудись, как вол...»

Трудись, как вол,
Живи, как муха,
Конец один для всех —
Земля,
Что тверже камня,
мягче пуха,
ровней стола,
круглей, чем брюхо
раскормленного кобеля.
Будь гением,
Будь идиотом, —
В гробу ты все равно
Мертвец.
Бессмертье, слава...
Да чего там? —
Конец делам,
Конец расчетам
И бесконечности конец.
И мудр лишь тот,
кто щедро тратит
дни, годы,
к месту не прирос,
Кто не Сизифов камень катит,
Кому и жизнь по счету платит,
Кто знает, что за гробом хватит

покоя, пустоты и грез.

1965 г.

Кочегар

Рыжий. Дым – рыжий.

Серый. Дом – серый.

А где-то ведь есть миры же!

И времени

целые эры!

Но здесь

подвал,

кочерга,

огарки.

Раздет и вял кочегар в кочегарке.

Пот по лицу – смена к концу.

Бросил лопату угля и прилег:

«Полный порядок,

горит уголек».

По стенке

напротив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.